

УДК 316

В. А. САКОВИЧ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ИННОВАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И КОНЦЕПЦИИ

В статье автор анализирует взгляды ученых на современные процессы смены технологического уклада, развития цифровой революции, новой волны роботизации, революционных изменений в образовании, здравоохранении, в энергетической сфере, формирование и развитие инновационно-цифровой экономики. При всех различиях, имеющихся в подходах ученых к современной цивилизации, делается вывод, что общепризнанными чертами современности является формирование постиндустриального общества с его инновационно-цифровыми особенностями.

V. A. SAKOVICH

SOCIAL AND POLITICAL, SOCIAL AND ECONOMIC AND INNOVATIVE TRANSFORMATION OF THE CONTEMPORARY WORLD: SCIENTIFIC VIEWS AND CONCEPTS

The author analyzes points of view of scientists on the current processes of changes of the technological order, development of the digital revolution, robotization, revolutionary changes in education, health care and energy sector, formation and development of innovative digital economy. Taking into account all the differences in the approaches of scientists to modern civilization, it is concluded that generally recognized lines of modernity are formation of a postindustrial society with its innovative digital features.

САКОВИЧ
Василий Андреевич,
доктор политических наук,
профессор

Введение

В XXI в. идет процесс быстрого накопления инновационно-цифровых технологий и методов деятельности, подразумевающих изменение природы экономики, характера общества и человека, самого человеческого бытия. Все большее распространение получает индивидуализированное, роботизированное производство, по-новому формирующее рынки труда, все в меньшей степени зависящее от них, но в то же время еще более чувствительное к рынкам сбыта. В коммуникациях, политике, экономике, торговле, логистике, финансах происходит переход от иерархических к распределенно-сетевым принципам организации и управления. За счет нейротехнологий качественно увеличивается глубина коммуникаций и взаимодействия. Структура потребляемых и востребованных ресурсов в промышленности и энергетике резко меняется в пользу возобновляемых. В энергетике также формируется распределенно-сетевая, основанная на микроэнергетике и возобновляемых источниках система. Снимаются статусные преграды перед доступом к современному технологическому и социальному укладу – происходит переход к сетевому и кластерному образованию вместо иерархической модели образования, кризис переживает вся система социальных лифтов.

Начался процесс быстрого переформатирования, если не разрушения системы глобального экономического регулирования, созданной в основном Западом после Второй мировой войны. Основные тенденции инновационно-экономического и инновационно-технологического

развития усугубляют неравенство внутри стран и между ними. Даже в относительно богатых государствах расслаивается и «сжимается» средний класс, растет число людей, скользящих вниз по социальной лестнице.

Взаимозависимость, глобализация, еще недавно считавшиеся преимущественно благом, все чаще становятся фактором уязвимости. Особенно когда страны, создавшие нынешнюю систему и сохраняющие в ней ведущие позиции, готовы использовать их для извлечения сиюминутной выгоды или удержания доминирования – экстерриториальным применением внутреннего законодательства, ограничительными мерами, созданием помех для взаимозависимости там, где она им представляется невыгодной. Основатели либерального мирового экономического порядка во многом де-факто уже работают против него, что остро ставит вопрос о соотношении необходимой открытости мировому рынку и защиты от него.

Фундаментальные инновационные изменения в технологиях ставят каждую страну перед необходимостью комплексно оценивать свои будущие возможности. Сочетание в современный период геополитических, социальных, технологических сдвигов, изменение приоритетов для развития многократно усложняют задачу прогнозирования развития и обеспечения устойчиво-безопасного развития.

Основная часть

В конце XX в. человечество вступило в новую эволюционную стадию социально-экономических трансфор-

маций – построение постиндустриального общества, что было вызвано следующими происходящими в мире тенденциями.

Во-первых, концепция пределов роста, которая была выдвинута Дж. Форрестером и Д. Медоузом в начале 1970-х гг., развенчала технократический миф о беспредельном экономическом росте на основе интенсивного использования ресурсов. Согласно этой концепции, планете свойственна ограниченность природных ресурсов, предел экспоненциального роста населения и промышленного производства. Предполагалось, что уже в первой половине XXI в. истощение природных ресурсов достигнет критических пределов и может обернуться катастрофой [22, с. 33–38]. Все это заставило человечество обратить внимание на эту проблему и в той или иной степени искать выход. В результате был осуществлен «беспрецедентный прогресс в науке, технике и технологиях, при этом на середину прошлого века пришлось научно-техническая, а на конец века – информационно-телекоммуникационная революция» [6].

Во-вторых, исходя из поиска преодоления негативных тенденций экстенсивного развития, активного развития науки и техники на основе информационных технологий произошла структурная перестройка экономики, в основе которой лежат инновационные технологии, инновационные системы, на лидирующие позиции выдвинулись новые гибкие наукоемкие отрасли взамен тяжелой промышленности, изменились производственные отношения, произошли социально-экономические изменения. Для формирования постиндустриального общества важную роль играют информационные технологии и компьютеризированные системы, высокие наукоемкие инновационные технологии и инновационные системы, а также организация на основе инноваций различных сфер человеческой деятельности. В этих рамках постиндустриального общества происходит создание новой формы организации экономики – инновационной экономики.

В различные аспекты теоретического обоснования формирования постиндустриального общества с различными его аспектами наибольший вклад внесли Н. Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, П. Друкер, Д. Норт, Р. Солю, Ф. Хайек, П. Ромер, Р. Лукас, Р. Нельсон, С. Уинтер, Р. Арон, П. Бурдьё, М. Вебер, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, О. Тоффлер, З. Бжезинский, Р. Харрод, Д. Рисмен, Р. Дарендорф, Ю. Хаями, Т. Умесао, Ф. Махлуп, М. Порат, У. Мартин, Г. Стиглер, Дж. Нэбитт, Д. Бел, К. Эрроу, Дж. Стиглиц, Ф. Фукуяма, Т. Стоуньер, Д. Доси, Г. Менш, К. Фримен, Д. С. Львов, С. Глазьев, Д. М. Кейнс, В. Леонтьев, К. Макконнелл, В. Л. Иноземцев, В. В. Загладин, Г. С. Хозин, И. В. Бестужев-Лада, А. С. Панарин и др. (Здесь и далее анализ научного вклада ученых в различные теории с их обоснованием более подробно см.: Сакович В. А. Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация. Кишинев : IRIM, 2017. 506 с.)

В ходе научных изысканий возник ряд теоретических концепций и направлений исследования индустриального, постиндустриального, информационного общества. Основными из них, на наш взгляд, являются:

- концепция технологического детерминизма;

- антитехницистские направления исследования современного мира;
- диалектико-гуманистическая философия техники;
- влияние процесса модернизации на сознание и поведение современного человека.

К сторонникам *технологического детерминизма* следует отнести следующие теории, концепции и их авторов: теория необходимости и неизбежности возрастания в обществе роли технической интеллигенции (Т. Веблен), теория стадий роста (У. Ростоу), концепции индустриального общества (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт), постиндустриального общества (Д. Белл, Ж. Фурастье), технотронного общества (З. Бжезинский, Г. Кан), информационного общества (К. Каян, Ю. Хаями Е. Масуд), «третьей волны» (Э. Тоффлер), концепция «экономики знаний» (П. Друкер), а также «технократическое программированное общество» (А. Турен), «общество постмодерна» (Ж. Лиотар), «общество постматериальных ценностей» (Р. Инглехарт) и др. Следует отметить, что эти теории и концепции идут в динамике развития техники и технологических систем производства, рассматриваются в рамках технико-технологических подходов в качестве основных детерминант инновационных и социально-экономических изменений в обществе. В последней четверти XX в. происходят изменения технократического мышления в части критического отношения к возможностям техники в переустройстве общества, отмечаются отдельные недостатки технической рациональности, признается определенное влияние социокультурного фактора на их развитие. Однако сторонниками технического детерминизма технике и технологиям по-прежнему отводится центральная и определяющая роль не только в развитии экономики, но и в жизни общества.

Антитехницистские направления исследований современного мира – это философско-мировоззренческая позиция, выражающая критическое отношение к технике и технологиям, рассматривающая технику как разрушительную и дегуманизованную силу, пессимистически оценивающая настоящее и будущее «технологической цивилизации» как обреченной на потерю человеческих ценностей. Сущность антитехницизма ярко выразил Н. Бердяев: «Самая главная опасность состоит в том, что техника угрожает самому человеку...» [1]. Критики концепций технологического детерминизма (Г. Рополь, С. Карпентер, Маркузе, Т. Адорно, Й. Хоркхаймер, Ф. Рапп, Х. Шельски, Дж. Уайнстен и др.) также подчеркивают, что «...даже сверхрациональное планирование технического прогресса, при его оторванности от гуманистических ценностей, с неизбежностью порождает иррационально-негативное, разрушающее основы человеческого бытия...» [29, с. 436–437]. Т. Адорно и Й. Хоркхаймер обращают внимание на отрицательные последствия чрезмерного увлечения человека могуществом техники [30]. Так, согласно Т. Адорно развитие техники и ее возрастающих возможностей приводит к отчуждению и овеществлению человека, к его бездуховности, в результате чего технология общества предстает как «неудавшаяся цивилизация» [32]. Таким образом, по мнению исследователей, антитехницистского направления техника и технологии стандартизируют поведение, склонности людей, пре-

вращают человека в объект бездуховных «калькуляций и манипуляций», поэтому они рассматривают технику и технологии как исходное зло, причину тотального социального отчуждения человека, гибели культуры, уничтожения естественных основ человеческого обитания и существования.

Исследователи, придерживающиеся гуманитарной составляющей диалектико-гуманистической философии техники (Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Ж. Элль, Н. А. Бердяев и др.), диалектически соединяют технико-технологическое и ценностно-смысловое отношение человека к миру, рассматривают человека в качестве творца техники и технологий, считают его высшей ценностью общественного развития. Диалектико-гуманистическая философия техники стремится преодолеть односторонность техницизма и антитехницизма, показать диалектику научно-технологического и социального прогресса, утверждает тезис об активно-творческой, деятельностной природе человека в техническом, социально-экономическом и общественном развитии. В силу этого техника и технология рассматриваются не как самодостаточные, автономные образования, а как социокультурные феномены, в конечном счете обусловленные в своем развитии и функционировании социокультурными, духовными и нравственными устоями общества, научно-технической политикой государства. Экономика и техника являются средством, а человек, его физическое и нравственное состояние, возможности личностного развития становятся основным социальным индикатором прогрессивности всех явлений и процессов современного мира. В подобном ракурсе эта проблема была рассмотрена российским ученым-экономистом Н. Д. Кондратьевым, который впервые связал цикличность развития мировой экономики с деятельностью исследователей (человека) и с волнами технических изобретений [9]. Главная задача современного общества – всячески гуманизировать технику и технологию, минимизировать их негативное воздействие на общество, человека, общественную и личную жизнь людей.

Наиболее видный научный вклад в *изучение влияний процесса модернизации на сознание и поведение современного человека*, различных новых форм общественных отношений в ходе формирования постиндустриального общества внесли также такие ученые, как Д. Рисмен («общество досуга»), Р. Дарендорф (теория социального конфликта), М. Вебер (концепция социального действия – «понимающей социологии»). Авторы данных теорий и концепций стремятся проанализировать влияние модернизации на сознание и поведение современного человека, выявить взаимосвязь между экономическим развитием общества и происходящими в нем социальными изменениями. М. Вебер с точки зрения своей «понимающей социологии» [5] анализирует социальные действия и тем самым объясняет их причину. Понимание означает познание действия через его субъективно подражаемый и переживаемый смысл.

Следует отметить, что все исследователи социологической направленности утверждают, что для проведения инновационной модернизации современного постинду-

стриального общества следует учитывать не только техническую сторону модернизации, но и социальную.

Основоположником теории *индустриального общества*, широко распространенной на Западе в 1960–1970-х, являются Р. Арон и Дж. Гэлбрейт [34]. Теоретико-методологической основой этой теории, как мы уже отметили, стала концепция технологического детерминизма, базирующегося на постулате об определяющей роли техники и технологий в общественном развитии. Наряду с Р. Ароном и Дж. Гэлбрейтом одним из первых теоретиков *индустриального общества* был У. Ростоу, предложивший три концепции – теорию «стадий экономического роста», концепцию фаз перехода к демократии и ценную теорию длинных волн конъюнктуры. При этом Ростоу предложил учитывать следующие экономические критерии – технологические инновации, скорость экономического роста, изменения в структуре производства и т. д. [21].

Концепция *постиндустриального общества* является дальнейшим развитием теорий «индустриального общества» Р. Арона и Дж. Гэлбрейта и «стадий экономического роста» У. Ростоу. Вместе с тем наиболее видные представители этой концепции – Д. Белл, Ж. Фурастье (постиндустриальное общество), Г. Кан, З. Бжезинский («техно-электронное общество»), Э. Тоффлер («сверхиндустриальное общество») – вкладывают в нее разное содержание. Мы в своих исследованиях придерживаемся понятия концепции постиндустриального общества в варианте Д. Белла.

Основоположником концепции *постиндустриального общества* можно считать Д. Селя, который в своей известной книге 1973 г. «Грядущее постиндустриальное общество» выдвинул тезис о том, что современное западное общество вступает в новую фазу собственного развития, выходящую за рамки индустриализма – доминирования промышленного сектора в экономике и соответствующей социальной и политической структуры общества (имеется в виду постиндустриальное общество). В дальнейшем Д. Беллом было принято свойственное теориям индустриализма разделение исторического развития на два основных этапа:

- 1) доиндустриальный, характеризующийся преобладанием аграрного сектора в экономике, традиционных социальных отношений и политических институтов и структур;
- 2) индустриальный, отличительной особенностью которого становится доминирование промышленного сектора и модернизация социальных и политических институтов общества.

По мнению Д. Белла (основателя теории постиндустриального общества), конец XX в. совпадает с третьим этапом – этапом постиндустриализма, который отличается выдвиганием на первый план сферы услуг и производства знания. В результате переход от индустриального к постиндустриальному обществу определялся изменениями в экономике и выдвиганием науки на роль одной из ведущих производительных сил общества [3].

Рассматривая в историческом плане развитие науки и техники, следует отметить, что они приводили к перемене качества материального производства за счет изменения, прежде всего, производительных сил, а именно: их развитие всегда приводило к коренной перестройке технического базиса материального производства и в конечном

итоге привело к тому, что наука превратилась в непосредственно производительную силу, к качественным изменениям во всех сферах общества – произошла трансформация индустриального общества в постиндустриальное и в информационное [2]. Американский ученый Д. Белл, выделивший три технологических революции (изобретение паровой машины в XVIII в., научно-технологические достижения в области электричества и химии в XIX в., создание компьютеров в XX в.), первым спрогнозировавший появление информационного общества и выдвинувший при этом прогноз структурных изменений в будущем, пришел к выводу о несовпадении масштабов сил глобализации и институтов современного государства. По его меткому выражению, масштаб государства становится слишком мал для решения крупных проблем и слишком велик для решения малых проблем [7].

Следует отметить, что постиндустриальная парадигма развития общества в философском понимании и в экономической теории в ее *классическом теоретическом белловском варианте* имеет различные теоретические модификации с поддержкой как классической теории, так и критики. Можно выделить несколько основных видов периодизации экономического развития, связанных с происходящими социально-экономическими переменами:

– Д. Белл выделяет доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества [35; 3]. Эти термины выступают следствиями применения в качестве осевого принципа типов производств и разновидностей используемого знания. Доиндустриальное общество – взаимодействие с природой, бытовые эмпирические знания; индустриальное – взаимодействие с преобразованной природой, примат естественнонаучных знаний; постиндустриальное – примат гуманитарных, теоретических знаний;

– Дж. Нэсбитт группирует их по принципу: доинформационное, прединформационное и информационное общества [17]. Он высказывает свой взгляд на новое будущее и новое понимание настоящего, анализируя путь, пройденный американским обществом от постиндустриального к информационному. Ученый обращает внимание на десять базовых изменений при переходе от доинформационного общества к информационному: от индустриального состояния к информационному, от развитых технологий к высоким, от национальной экономики – к мировой, от краткосрочных процессов и прогнозов к долгосрочным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к партиципаторной, от иерархии к рабочим сетям, от господства Севера к значимости Юга, от дихотомии «или-или» к многообразию выбора;

– П. Друкер, Р. Дарендорф обозначают их как докапиталистическое – капиталистическое – посткапиталистическое общества. С точки зрения Дарендорфа, человечество живет в посткапиталистическом обществе. В индустриальном обществе имеет значение не собственность, а власть; вместе со снижением роли собственности на средства производства возникает разрыв между экономическим и политическим порядком. Конфликты прежнего индустриального типа в первую очередь между буржуазией и пролетариатом, по его мнению, становятся «ин-

ституционально изолированными», мало что переносится из сферы трудовых отношений на другие области жизни. Таким образом, отношение к средствам производства, по мнению Дарендорфа, перестает являться решающим фактором влияния, власти или привилегий в обществе, которое можно назвать посткапиталистическим. Экономические отношения, или отношения собственности, хотя и продолжают порождать связанные с ними противоречия, больше не определяют другие сферы и не становятся центром социального конфликта;

– В. Л. Иноземцев выделяет доэкономическое, экономическое и постэкономическое общества. Термин *постэкономическое общество* понимается как тип социального устройства, где хозяйственная деятельность человека становится все более интенсивной, комплексной, однако не определяется материальными интересами, не задается традиционно понимаемой экономической целесообразностью.

Несмотря на различные научные подходы к сущности постиндустриального общества, в целом определена общая природа постиндустриализма как нового фазиса социальности, которая характеризуется возрастанием роли нематериального производства (сектора услуг), ростом научно-, интеллектоемкой компоненты, повышением гибкости и инновационной восприимчивости производственных комплексов, увеличением роли длиннопериодных экономических циклов, долгосрочных инвестиционных стратегий, концентрированием финансового потенциала на инновационных направлениях – как объективными тенденциями инновационного развития.

Оценки происходящих социально-экономических трансформаций в качестве базовых характеристик, определяющих переход на постиндустриальную стадию, акцентируют такие аспекты, как развитие информационных технологий, увеличение относительной части творческого труда. Меняется структура трудовых ресурсов: уменьшается доля физического и растет доля умственного высококвалифицированного и творческого труда. Важная черта постиндустриального общества – усиление роли и значения человеческого фактора. Конкуренция на мировом рынке принимает специфические формы, вызванные тем, что это соперничество смещается в сторону борьбы за знания, творческий потенциал человека.

Концепция *технологических укладов* является современной модификацией теории длинных волн и имеет также российское происхождение. С. Ю. Глазьев развил теорию Н. Кондратьева, предложив рассматривать динамику развития общества на основе определенных уровней развития производства, в котором технико-технологический прогресс играет решающую роль, и выделил пять технологических укладов. Однако в отличие от Кондратьева Глазьев считает, что жизненный цикл технологического уклада имеет не две части («повышательную» и «понижательную» волны), а три фазы. Структурирование долгосрочного технико-экономического развития как последовательного замещения крупных комплексов технологических сопряженных производств – технологических укладов – впервые было предложено Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым [13]. Суть его концепции технологических укладов заключается в том, что производительные силы

на каждом этапе развития основываются на некоей связанной целостности технологий (технологическом укладе).

Научная концепция «Третьей волны» Тоффлера основывается на идее сменяющих друг друга волн – типов общества. Первая волна – это результат аграрной революции, которая сменила культуру охотников и собирателей. Вторая волна – результат индустриальной революции, которая характеризуется нуклеарным типом семьи, конвейерной системой образования и корпоративизмом. Третья волна – результат интеллектуальной революции, то есть постиндустриальное общество, в котором наблюдается огромное разнообразие субкультур и стилей жизни. Нынешняя «третья волна» по Тоффлеру – это «информационное общество». Она вызвана повсеместным распространением компьютеров, гибких технологий. Рассматривая историю как непрерывное волновое движение, Тоффлер анализирует особенности грядущего мира. В обществе третьей волны информация, по его мнению, заменяет огромное количество материальных ресурсов, складываются новые виды семьи, стили работы, жизни, новые формы политики, экономики и сознания [26].

Основой **постиндустриального общества** является информация, что в свою очередь породило термин «информационное общество», который возник во второй половине 1960-х гг. в связи с исследованиями американских и японских ученых. Он был предложен японским теоретиком К. Коямой, на основании трудов которого в Японии еще в 1972 г. был принят «План информационного общества: национальная цель к 2000 г.» [28]. Большую роль в утверждении и популяризации этой концепции сыграли работы других японских исследователей – Ю. Хаями и И. Масуды «Информационное общество как постиндустриальное общество», а также книги западных футурологов Э. Тоффлера, Дж. Нэсбитта, исследования японского ученого Т. Умесао (1963) и американского экономиста Ф. Махлупа (1962), благодаря которым понятие «информационное общество» вошло в научную практику. Тогда же, на рубеже 1960–1970 гг., в Японии были разработаны основные характеристики такого общества, принимаемые в своих главных чертах и сегодня: под глобальным информационным обществом понимается общество нового типа, формирующееся в результате глобальной социальной революции, основой которой является взрывное развитие и конвергенция информационных и коммуникационных технологий, оказывающая влияние на все сферы жизнедеятельности.

Анализируя понятие «информационное общество», мы еще в 2009 г. в монографии «Основы глобалистики» [22, с. 200–201] писали о том, что его можно определить с помощью характеристик, присущих этому типу цивилизации:

- созданы значительные информационные ресурсы; важнейшей частью экономики становится производство, хранение, распространение и передача аудиовизуальной продукции, деловой и культурной информации; граждане имеют технические и правовые возможности доступа к разнообразным источникам информации;
- сформировалась информационная индустрия, которая включает компьютерную и телекоммуникационную промышленность, производителей элементной базы и быто-

вой электроники, разработчиков аудиовизуального содержания и программного обеспечения.

В связи с этим мы подчеркивали, что *информационное общество* – это историческая стадия развития человечества, на которой доминирующим объектом производства и потребления становятся информационные, интеллектуальные и культурные продукты и услуги. Информационное общество – это общество, в котором информация и уровень ее использования обеспечивают экономическое и культурное развитие его членов.

Как отмечалось нами ранее, производство и использование научно-технической и других видов информации становится в настоящее время главным фактором во всех сферах общественного развития:

- в технике: широкое внедрение информационных технологий в производственную и деловую жизнь;
- в экономике: информация превратилась в стратегический товар;
- в политике: предполагается свободный доступ к разнообразной информации, призванной обеспечить на этой основе широкий обмен мнениями и внедрение в общественную жизнь демократических ценностей;
- в социальной сфере: информация становится главным фактором улучшения качества жизни;
- в духовной культуре: обмен информацией помогает формированию соответствующих норм и ценностей, отвечающих потребностям цивилизации XXI столетия.

Теорию «информационного общества» активно развивали такие ученые, как М. Кастельс, Ф. Уэбстер, М. Порат, Ё. Масуда, У. Мартин, Т. Стоуньер, Р. Карц и др. По мнению японского ученого Ёнэдзи Масуды [37], в условиях формирования информационного общества происходят изменения сущности самого производства, продукт которого становится более «информационно емким». Производство информационного продукта, а не продукта материального, по мнению Масуды, будет движущей силой развития общества. Согласно выводам ученого, информационное общество – это теоретическая концепция постиндустриального общества.

Концепция глобального информационного общества сочетает философские и прикладные аспекты. Социально-философское обоснование понятия «информационное общество» начиная со второй половины XX в. претерпело немало изменений [19], особенно это стало заметно в XXI в. Различные авторы вкладывают в свои трактовки данного понятия разные смыслы, однако общим является приоритетное выделение его социально-экономических аспектов, в первую очередь образования, науки. Несмотря на этот факт и на то, что в работах последних десятилетий стал активнее выделяться социокультурный аспект информационного общества, расширение социально-философского смысла понятия «информационное общество» (Ю. Хабермас и Х. Арндт в теориях социальной рефлексии), оно не получило однозначной трактовки и в новом тысячелетии.

Вместе с тем можно выделить некоторые отличительные характеристики информационного общества, сформировавшиеся к настоящему времени:

- информация и коммуникационные процессы выступают как источники и механизмы социокультурных изменений

и диалога культур, определяют доминирующую в обществе картину мира и основные социальные практики;

- пространство и время в социальных взаимодействиях перестают быть существенными для коммуникаций и различных видов деятельности;
- инновационность становится важнее поддержания культурных образцов, в результате чего усиливается свойство информационного общества как общества риска;
- автономные системы взаимодействия и коммуникации становятся неотъемлемой чертой социальных групп, их атрибутом и источником формирования;
- процесс формирования инновационной экономики с точки зрения обеспечения безопасности носит непредсказуемый характер, с большим количеством вызовов и угроз, как внешних, так и внутренних, а также от самого процесса инновационного развития.

Технологические и социальные изменения неизбежно повлекут за собой новые социально-культурные, идеологические и политические тенденции. В связи с этим ученые прогнозируют:

- отход от национально-культурных идентичностей в пользу глобально-сетевых;
- рост борьбы между национальными и глобально-сетевыми принципами интеграции и их инфраструктурами;
- формирование синтетических постнациональных глобализированных культур, их конкуренция между собой (переход от доминирования американско-европейской к рынку глобальных культур);
- отказ от стремления к однозначному социальному отождествлению с крупными сообществами в пользу множественности отождествлений с микрогруппами. Сетевые социальные взаимодействия становятся важнее иерархических взаимодействий, поскольку обеспечивают автономность личности и социальных общностей;

Сформировался виртуальный мир, который становится неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Виртуальные взаимодействия образуют реальность, не менее значимую для личности, чем живое общение.

Процессы становления и развития информационной экономики, механизмы ее функционирования и социально-экономические последствия этого функционирования рассматриваются в фундаментальных работах зарубежных ученых-экономистов: Г. Стиглера, Дж. Нэсбитта, Д. Белла, К. Эрроу, Дж. Стиглица, Ф. Фукуямы и др. Концепция информационной экономики включает фундаментальное определение информационного общества как системы связей и отношений между индивидами, образующейся в процессе обмена информацией по поводу социальной и экономической деятельности; информационной экономики как системы общественных отношений, в которой информация является основным производственным ресурсом [18].

На основе представления об «информационном обществе» были сформированы понятия общества, основанного на знании, инновационной экономики, теория экономики знаний. Информационное общество – это «общество знаний, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, подкрепленное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению с ней работать» [23].

Понятие «экономика знаний» ввел П. Друкер, по мнению которого современная экономика основана на информации, ее создании и распространении [10].

Признанным родоначальником инновационной экономики является австрийский ученый Йозеф Шумпетер, который на основе больших циклов конъюнктуры Н. Кондратьева разработал *инновационную теорию длинных волн*, интегрировав ее в общую инновационную теорию экономического развития. С новаторской деятельностью Шумпетер связывает и циклическую форму развития экономики. Й. Шумпетер теоретически обосновал необходимость постоянных нововведений как средства преодоления кризисов. Еще в начале XX в. ему удалось показать, что технические инновации являются средством достижения высокой прибыли в противовес теории экономического роста Дж. фон Неймана, в которой технический прогресс вовсе не учитывался. Исследованию этой проблемы он посвящает работу «Экономические циклы» (1939). Й. Шумпетер изложил теорию мультицикличности волновых колебаний с волнами нововведений и изобретений. Выделив и установив связь между тремя типами циклов (длительными, классическими и короткими), Шумпетер выводит существование экономических циклов из периодов внедрения изобретений. Благодаря этому Й. Шумпетера в науке принято считать родоначальником инноваций. В своих трудах он впервые использовал термин «*инновация*» в современной ее интерпретации и рассмотрел роль инновации в экономическом росте. Основной теорией инновационной экономики является разработанная Шумпетером теория экономической динамики, которая базируется на распространении нововведений в различных сферах хозяйственной жизни, экономических процессах и непосредственно в производимой продукции [31]. Кроме того, он исследовал вопросы о роли образования и качества рабочей силы, технологическом прогрессе в совокупности с поиском эффективного способа производства и о влиянии этих факторов на развитие экономики страны.

В 1980-х гг., опираясь на теорию Й. Шумпетера, известный экономист Г. Менш делает вывод о высокой концентрации базисных нововведений, которые позволяют преодолеть «технологический пат» и улучшают основные экономические показатели [14]. Г. Менш раскрыл характер цикличности обновления техники («инновационные волны»), исследовал механизм взаимосвязи между изобретениями, нововведениями и уровнем экономической активности.

Вслед за ним К. Фримен, Дж. Кларк, Л. Сутэ и А. Кляйкнехт исследовали механизм влияния инноваций на развитие экономики: ввели понятие стадийности (фаз) развития нововведений и их распространения как в отраслевом, так и в страновом (региональном) разрезе.

В дальнейшем теория экономической динамики Шумпетера получила развитие в трудах ряда выдающихся ученых: Д. Норта (теория институционализма), Ф. Хайека (спонтанный характер рыночного порядка), Р. Лукаса (теория рациональных ожиданий), Р. Нельсона и С. Уинтера (эволюционная экономика), М. Кастанья («культура реальной виртуальности») и др. Современное неоклассическое развитие направлений экономической теории про-

должает базироваться на разработках Й. Шумпетера – теория экономической динамики (1934) и Р. Солоу – теория экономического роста (1934), а на основе теории Р. Солоу Р. Лукас и П. Ромер разработали новую теорию экономического роста (1992).

В современных условиях постиндустриальная цивилизация динамично развивается и упрочивает свои позиции. Стремление более углубленно исследовать феномен постиндустриального мира приводит ученых к разработке новых теоретических подходов, концепций, акцентирующих внимание на тех или иных процессах, сторонах, факторах, характеризующих существенные моменты новой эпохи в развитии человеческого общества.

В этом плане следует отметить:

– труды Д. Белла, Э. Тоффлера, Э. Бжезинского о современной стадии социальной периодизации [35; 38; 4];

– работы теоретиков институционализма Д. Норта, Т. Веблена, Р. Коуза, Г. Стиглера, О. Уильямсона, [16; 36; 11; 27], рассматривающих функционирование экономики с точки зрения институциональных изменений;

– исследования видных ученых-теоретиков М. Вебера («программа социального действия» и учение об особенностях личности как «самосозидающего себя субъекта активной социальной деятельности...») [5] и П. Сорокина с его воззрениями на окружающую действительность [25], что позволило сформировать различные подходы относительно источников социальных изменений, социальной динамики и социальных противоречий, возникающих в ходе инновационной модернизации;

– исследования видных социологов Т. Персонса, Р. Мертсона (авторы структурно-функциональной теории) – построение системы социального действия, теория роста, социального развития и формирования новых мировых систем [39; 12; 15], Д. Мида (теория социальной реальности) – содержание социальных процессов во взаимодействии индивидов в группе и обществе. Все эти теории стали теоретической основой определения функций и социальной роли личности в условиях формирования инновационного развития. Труды М. Вебера (*автор концепции социального действия*) и его учение об основных категориях понимающей социологии: поведение, действие и социальное действие [29], – позволяют анализировать поведение личности в современных условиях инновационной модернизации;

– исследования белорусских ученых С. В. Решетникова, Н. А. Антоновича, Н. П. Денисюка, Е. Ф. Гречнева, Л. Е. Землякова, И. В. Котлярова и других процесса модернизации позволили сделать вывод, что *модернизация является процессом комплексным*, преобразующим все сферы общественной жизни: социальную, экономическую, политическую, духовную, а главным элементом, который обуславливает успех модернизации, является социокультурный фактор. Без изменения ценностных ориентаций широких социальных слоев, изменения политической культуры модернизация будет порождать постоянные кризисы и массовое недовольство [20];

– теории экономической модернизации и инновационного развития: Р. Нельсон (Колумбийский университет

США) – эволюционная теория; К. Фриман (Великобритания), Б. Лундвалл (Швеция) – теория национальных инновационных систем и В. Л. Иноземцев (Россия) – концепция постэкономического общества [8]. Под *постэкономическим обществом* понимается качественно новый тип социума, представляющий собой стадию развития социальной жизни, следующую за постиндустриальной. Основные черты постэкономического общества: «выход индивидуальных интересов человека из сугубо материальной плоскости и колоссальное усложнение социальной действительности, умножение многообразия моделей общественной жизни и даже вариантов ее развития во времени» [33]. В постэкономическом обществе в отличие от экономического, ориентированного на материальное обогащение, главной целью для большинства его членов становится развитие их собственной личности.

Заключение

Формирование каждой из перечисленных теорий, концепций и программ, а также научных направлений было исторически детерминировано развитием социальной философии, истории, социологии, экономики, политологии и других научных дисциплин и послужило в последующем выявлению вновь открываемых явлений социальной реальности в ходе инновационно-цифрового развития. Причем при всех различиях, имеющих в подходах ученых к современной цивилизации, ее общепризнанными и неоспоримыми чертами являются становление и развитие постиндустриального информационного общества с его особенностями инновационно-цифрового развития. В последние годы инновационное развитие все в большей степени обуславливается не только успехом научно-технических знаний, но и социокультурным фактором, гуманитарно-культурными знаниями с выработкой новой системы ценностей, сочетающих инновационно-интеллектуальные и нравственно-этические качества современного человека. Другими словами, инновационность технологий питается социальным развитием, инновационностью жизни, гуманитарным развитием, наращиванием человеческого капитала.

Социально-нравственное начало в инновационно-цифровой модернизации в современных условиях как никогда важно, так как человек уже сегодня, а в дальнейшем все в большей степени будет становиться зависимым от технологий, которые создает. Происходит «когнитивная революция» – когда технологии вызывают изменение сознания. Все больше людей отчуждаются от реального мира, от прямого общения с окружающими, заменяя его виртуальным. Известно, что скорость технического развития превышает быстроту биологической и социальной эволюции. А это значит, что новые инновационные технологические реалии без развития нравственно-этических качеств человечества будут перекраивать мир под себя, что создаст абсолютно новую, не изученную сегодня ситуацию, требующую формирования новой системы и подходов к обеспечению национальной безопасности.

Список использованных источников

1. Бердяев, Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) / Н. А. Бердяев // Путь. – 1933. – № 38.
2. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
4. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М. : АСТ, Астрель, 2013. – 288 с.
5. Вебер, М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. – М. : ИНИОН, 1991.
6. Гаджиев К. С. [Электронный ресурс] // Сайт Полесского государственного университета. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5248912/page:101/>. – Дата доступа: 10.09.2017.
7. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М., 2004. – С. 30.
8. Иноземцев, В. Л. Воссоздание индустриального мира. Контур нового глобального мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svop.ru/news/2672>. – Дата доступа: 09.06.2017.
9. Кондратьев, Н. Д. Проблемы экономической динамики / Н. Д. Кондратьев. – М., 1989; Кондратьев, Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз / Н. Д. Кондратьев. – М., 1991.
10. Концепция «экономика знаний П. Друкера» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econuniver.com/economik-rasdel/istekuz/224-kopserciya-yeconomiki-znaniy-p-drukera.html>. – Дата доступа: 17.10.2016.
11. Коуз, Р. Очерки об экономической науке и экономистах / Р. Коуз ; пер. с англ. М. Маркова; науч. ред. Д. Расков. – М., СПб. : Изд-во Института Гайдара; Stigler, G. J. Essays in the History of Economics, 1965.
12. Линтон, Р. Личность, культура, общество / Р. Линтон // Вопросы социальной теории. – 2007. – Т. 1. Вып. 1.
13. Львов, Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793–804.
14. Менш, Г. Технологический пат: Инновации преодолевают депрессию / Г. Менш. 1975.
15. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
16. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Начала, 1997. – 198 с.
17. Нэсбитт, Дж. Мегатренды / Дж. Нэсбитт ; пер. М. Левина. – М. : АСТ, 2003.
18. Пидоймо, Л. П. Сущность категорий «информационное общество», «информационная экономика» [Электронный ресурс] / Л. П. Пидоймо, Т. В. Бутурлакина. – Режим доступа: <http://econ.vsu.ru/downloads/pub/seconomic/4/pidoymo.pdf>. – Дата доступа: 16.10.2016.
19. Погорский, Э. К. Инновационность молодежи как источник социокультурных изменений на этапе становления информационного общества [Электронный ресурс] / Э. К. Погорский. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/innovacionnost-molodezhi-kak-istochnik-sociokulturnyh-izmenenij-na-jetape.html>. – Дата доступа: 26.01.2017.
20. Политология / под ред. Решетникова С. В. – Минск : ТетраСистемс, 2013. – С. 263–264.
21. Ростой, У. Стадии экономического роста (некоммунистический манифест) [Электронный ресурс] / У. Ростой. – Режим доступа: <http://textb.net/82/29.html>. – Дата доступа: 08.08.2016.
22. Сакович, В. А. Основы глобалистики / В. А. Сакович. – Кишинев, 2009. – С. 33–38.
23. Сакович, В. А. Введение в глобалистику / В. А. Сакович. – Минск : МИТСО, 2013. – С. 56.
24. Сакович, В. А. Антиглобализм: причины, сущность, основные формы / В. А. Сакович. – Кишинев, 2004. – С. 54–55.
25. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
26. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; науч. ред., авт. предисл. П. С. Гуревич. – М. : АСТ, 1999. – 781 с.
27. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, отношенческая контрактация : пер. с англ. / О. Уильямсон. – СПб., 1996.
28. Философская энциклопедия. Информационное общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8410/%D0%98%D0%...D0%9E%D0%95. – Дата доступа: 12.08.2017.
29. Философия / под ред. Я. С. Яскевич. – Минск : Выш. шк., 2012.
30. Хоркхаймер, Й., Диалектика просвещения / Й. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., 1997.
31. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – 864 с.
32. Антитехнизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/concepts/7235>. – Дата доступа: 17.08.2017.
33. Постиндустриальное общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/postindustrialnoe-obshchestvo.html>. – Дата доступа: 12.08.2017.
34. Aron R. The Industrial Society: Three Essays on Ideology and Development. – N.Y. : Simon and Schuster, Clarion Books, 1967. – 184 p.
35. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – N.Y. : Basic Books, 1973. – P. 117.
36. Veblen T. V. Absentee Ownership and Business Enterprise in Recent Times: The Case of America, 1923.
37. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1981. – 171 p.
38. Toffler A. Powershift. – L. : Bantam Books, 1990
39. Parsons Ch. Some remarks on Talcott Parsons's family // Journal. The American Sociologist. – Vol 35. Nr 3. Sept. – 2004. – P. 4–22.